

Выйдя из ресторана «Сихай», Су И почувствовал, как его дыхание стало лёгким и свободным - договор, аккуратно спрятанный за пазухой, будто прибавил ему уверенности.

Он заметил, как взгляд Чжун Мина время от времени ускользает к ларьку на углу улицы, где варили вонтоны, и задумался: обедал ли тот сегодня вообще? Среди людей воды далеко не в каждом доме ели по три раза в день, чаще обходились двумя, экономя на еде. Но мужчины, особенно с такой статью, как у Чжун Мина, вряд ли могли пройти целый день, не наполнив желудок.

Эта мысль, едва зародившись, сразу же выскользнула наружу:

— Я угощу тебя вонтонами.

Брови Чжун Мина приподнялись - он явно удивился. До сих пор Су И почти никогда не проявлял инициативы в разговоре, особенно с посторонними, включая его самого. Даже когда в ресторане они вели речь с управляющим Синем, это был, пожалуй, самый раскованный вид, в каком он вообще видел этого гера.

Чжун Мин всё ещё колебался, и тогда Су И, собравшись с духом, добавил:

— Я... немного проголодался. Может, съедим вместе по чашке?

Он поковырял пальцами бамбуковое коромысло и тихо кашлянул.

- Я должен поблагодарить тебя за сегодняшний день.

Он и сам не знал, что в глазах Чжун Мина очень напоминал маленького надутого иглобрюха — казалось, если мужчина откажет, он немедленно выпустит весь воздух и упорхнёт прочь. Правда, если иглобрюхи раздуваются от злости, то Су И - исключительно от смущения.

— Хотел сначала сказать, что не стоит так церемониться, — усмехнулся Чжун Мин, — но кто же откажется от бесплатных вонтонов. Ты точно хочешь угостить? Смотри, потом не отказывайся.

Он нарочно придал голосу насмешливую легкость, и, как и рассчитывал, увидел, как Су И с облегчением выдохнул, глядя на него с сияющей улыбкой:

— Если ты не побрезгуешь, я только рад.

— Слова какие, будто я городской богач, — хмыкнул Чжун Мин, — каждый день пью пару кувшинов вина да закусываю в изысканных ресторанах. А ведь эти вонтоны для нас праздник. Прежде, проходя мимо, и попробовать-то не решался.

Они пошли плечом к плечу к ларьку. Время обеда уже прошло, и у нескольких расставленных с краю улицы столов никого не было.

Поставив вещи, они услышали, как хозяин заведения окликнул:

— Что заказывать будете?

Су И вдруг понял, что это был его первый раз - сидеть за столиком у уличного ларька и заказывать еду. Раньше он только украдкой поглядывал на таких, проходя мимо. Хотя у него в кармане теперь и появилось немного денег, тратить их на такую роскошь, как еда вне дома, рука не поднималась.

— А что у вас есть? — спросил Су И.

— Три вида вонтонов, — охотно заговорил хозяин. — С овощной начинкой из листовой капусты — восемь вэней за чашку, с креветками и рыбным фаршем — десять вэней, со свининой — пятнадцать. В каждой порции пятнадцать штук, тесто тонкое, начинки много. Есть ещё масляные лепёшки, по четыре вэня за штуку. Если к вонтонам берёшь — тогда две за семь.

В прибрежных местах рыба с креветками не в цене, свинина - самая дорогая. А в глубине материка и подавно ни в одной уличной лавке не встретишь вонтоны с морской начинкой: слишком уж накладно.

— Какие бы ты хотел? — спросил Су И, повернувшись к Чжун Мину.

Тот было собрался сказать, что и простой овощной вполне хватит, но Су И сразу пресёк:

— Не думай, будто должен экономить ради меня.

Чжун Мин усмехнулся:

— Ладно, не стану пренебрегать твоим угощением.

И заказал порцию с креветками.

Су И сначала хотел взять овощную, но, подумав, сменил на рыбную: за все эти годы он ни разу такого не пробовал. А вдруг, попробовав раз, больше и не захочется?

Под конец добавил:

— Дядюшка, ещё две лепёшки, пожалуйста.

— Будет сделано! — бодро откликнулся торговец.

Вонтоны лепились прямо на месте и сразу же опускались в кипящую воду. Бульон, как утверждал хозяин, варился на мясных костях и источал насыщенный мясной аромат.

Когда он приподнял крышку котла, вырвался клуб густого пара. Вонтоны были среднего размера - несколько оборотов в кипятке, и они проваривались насквозь. Готовые выкладывались в чашку, на дно которой предварительно сыпали щепотку сушёной морской капусты, немного мелких сушёных креветок и щепотку соли. Потом заливали горячим бульоном, под которым водоросли разбухали и распускались, словно облака, поверх которых ложились несколько ярко-зелёных перьев зелёного лука. Всё выглядело удивительно аппетитно.

— Ешьте, не спеша, — сказал продавец. — Уксус на столе, если любите покислее, можете добавить.

Лепёшки он завернул в промасленную бумагу, выждал немного, чтобы масло стекло, а потом подал в аккуратной плетёной корзинке.

Су И придвинул их к Чжун Мину.

— Это тебе.

Тот бросил взгляд и приподнял брови:

— Обе мне?

Су И кивнул:

— Тебе ведь одной чашки мало.

Чжун Мин усмехнулся:

— У меня не такой уж большой аппетит. К тому же перед выходом я уже что-то перехватил. Так что, если и голоден, то совсем немного.

Он вернул лепёшку назад:

— По одной каждому. Это ты должен есть побольше, слишком уж ты худой, легко заболеть.

Похоже, гер решил, будто он всё это время смотрел на ларек потому, что был голоден и

облизывался. На самом деле он просто краем глаза заметил, как мимо проходили У Сян и тот парень из Байшаао. Они вместе только что пообедали и теперь, похоже, уходили дальше. Они делились лепешкой, ты мне один кусочек, я тебе — другой, а потом ещё и с руки покормить... — глядя на это, у окружающих зубы сводило от зависти, а глаза — от боли.

Неудивительно, что все одинокие мужчины мечтали поскорее обзавестись семьёй. Когда рядом есть тот, кто разделяет с тобой и холод, и тепло, да ещё с нежностью и заботой - жизнь становится совсем другой. Сегодня он впервые попробовал вонтоны, за которые заплатил не сам, а которые купил для него этот гер. Но если бы когда-нибудь ему довелось отведать такие, что Су И приготовил бы своими руками - тогда и вовсе можно было бы сказать, что в жизни уже не о чем жалеть.

— Вонтоны и впрямь вкусные, — сказал Чжун Мин, отпив немного бульона и откусив от одного. Тесто тончайшее, сквозь него просвечивала начинка, а креветки, положенные целиком, были упругими и свежими.

Су И не верил, что Чжун Мин никогда прежде не пробовал таких вонтонов, скорее уж тот просто хотел, чтобы он сам почувствовал себя комфортнее. Потому Су И слабо улыбнулся и тоже осторожно пригубил бульон.

Раньше он не раз слышал от Лу Юя, какова на вкус еда в уезде: вонтоны, рисовая лапша, лепёшки, сахарные шарики-тангулу, разные сладости... В его рассказах всё пахло так соблазнительно, что, казалось, вкусив этого хоть раз, можно и умереть без сожалений. Он знал, что Су И не может себе позволить такие угощения, и потому нарочно рассказывал о них так, чтобы вызвать у него зависть. Су И, будучи ещё совсем ребенком, не умел скрывать своих чувств, стоило ему услышать об этих вкусностях, как он невольно сглатывал слюну. Тогда Лу Юй начинал громко смеяться и говорил, что он побирушка, без толку и достоинства.

Позже Су И научился прятать свои эмоции. Что бы Лу Юй ни говорил, он сидел как деревянный чурбан, не показывая ни обиды, ни радости. Так он и потерял к нему интерес - не весело, когда никто не поддаётся на дразнилки.

Теперь всё было иначе. Он попробовал те самые конфеты, купленные в уезде, а теперь ещё и вонтоны с лепёшками. И всё это благодаря Чжун Мину.

Пар над бульоном медленно поднимался вверх, и в какой-то момент глаза Су И защипало от тепла, будто бы подступили слёзы. Он не раз задумывался, почему Чжун Мин относится к нему с таким особым вниманием. Возможно, тот просто жалел его, ведь у него, как и у самого Чжун Мина, не было родителей.

Конечно, приходили и другие мысли - те, что пролетали в голове, словно тень. Но стоило остановиться на них хоть на миг, как казалось, будто он уже преступил черту, позволил себе неслыханную дерзость.

Они ели неспешно, не оставив ни капли бульона. Пятнадцать вонтонов, как оказалось, немалый

объём. Су И, не привлекая внимания, едва заметно погладил себя по животу, чуть округлившись от неожиданного для себя объёма, и, поправив одежду, пошёл расплатиться.

— Одна порция с рыбным фаршем, одна с креветками, две масляных лепешки - всего двадцать семь вэней, — сказал хозяин.

Су И вытащил из поношенного, залатанного кошелька горсть медяков и стал медленно пересчитывать. Он боялся ошибиться, поэтому сперва отсчитал двадцать монет, которые тут же отдал жене хозяина лавки.

Кошелёк заметно опустел, когда он снова сунул в него руку, чтобы достать оставшиеся семь вэней. Однако прежде, чем он успел их отдать, чья-то рука опередила его, с громким звоном бросив недостающие семь монет в ящик для денег.

— Я добавлю, — сказал Чжун Мин. — Нельзя же, чтобы ты угощал один. За один обед ты чуть не отдал всю банку креветочного соуса.

Он обернулся к Су И:

— Лепёшки - это уже от меня. К тому же одну я всё-таки съел, считай, не в убытке остался.

Су И нахмурился, явно не одобряя.

— Мы же договорились, что это я угощаю, — упрямо сказал он, а затем повернулся к жене хозяина: — Тётушка, пожалуйста, верните этому господину семь вэней. Я сам их сейчас доплачу.

Чжун Мин за его спиной отчаянно подмигивал, пытаясь взглядом уговорить женщину не поддаваться. Жена хозяина стояла между ними в замешательстве: то ли вернуть деньги, то ли нет, сама уж не знала, как поступить.

Увидев, что Су И так и не двинулся с места, Чжун Мин слегка удивился - не ожидал от этого тихого парня такого упрямства. Тогда он попросту ухватился за перекладину его бамбукового коромысла и слегка подтолкнул вперёд:

— Ладно, ладно, не будем мешать людям торговать. Хорошо, что сейчас не час пик, а то будь это раннее утро или полдень, дядя с тётушкой уже вышли бы с метлами нас прогонять.

Су И плотно сжал губы, досадуя на собственную медлительность.

— Ты... ведёшь себя совсем не так, как договаривались.

Чжун Мин усмехнулся:

— А я, по-моему, ничего такого и не обещал.

Су И вскинул голову и взглянул на него, прищурившись от слепящего солнца. Потом опустил взгляд, потёр глаза и пробурчал:

— Я всё равно не могу тебя переспорить...

На это Чжун Мин только шире улыбнулся. Как же он раньше не замечал, что дразнить этого гера такое удовольствие? Хотя это не так, как поддразнивать младшего брата дома. Но он, видно, всё-таки недооценил упорство Су И: если уж пообещал угостить, значит доведёт дело до конца, не пожалеет ни медяка, заработанного своим потом.

Идя по улице, Чжун Мин повстречал знакомого из деревни, и, как водится, остановился перекинуться парой слов. Всего несколько мгновений, а гера уже и след простыл. Когда тот вернулся, в руках у него было две палочки тангулу, аккуратно обернутых в бумагу.

Он сунул их Чжун Мину:

— Возьми, отнеси домой, угости брата.

Деревенские тангулу были небольшие — обычно по пять штук на палочке, стоили три вэня.

Чжун Мин заглянул в бумагу и, как бы не понимая, спросил:

— Обе для брата?

Су И смущённо отвёл взгляд, продолжил идти и бросил через плечо:

— Если сам хочешь поесть - ешь.

Не прошло и пары секунд, как сзади раздался хруст — один, другой...

Он обернулся и увидел, что Чжун Мин уже вытащил один тангулу, а на бамбуковой палочке осталось лишь три последних шарика.

Су И был ошеломлён.

— Как это ты так быстро съел? Неужели раньше не наелся?

С сожалением добавил:

— Я же говорил, надо было тебе съесть две лепешки.

Ему, чтобы наесться, нужно было съесть как минимум чашку вонтонов и одну лепешку. Чжун Мин, судя по телосложению, вдвое крупнее его - разве такого объёма еды могло хватить?

Чжун Мин замолчал, покрутил в руке бамбуковую палочку и вдруг спросил Су И:

— А как меня зовут?

Тот замер, явно не понимая, и с лёгкой растерянностью произнёс:

— ...Чжун Мин?

Чжун Мин усмехнулся, будто сдался:

— Верно. Меня ведь не зовут «ведро с рисом», чтобы есть так много.

Тангулу были завернуты отдельно друг от друга, чтобы карамельная оболочка не расплавилась от жары и не слиплась. Он протянул палочку Су И:

— На, всё равно знал, что не осилю. Жарко, домой понесёшь — расплавится, испортится только. Поделюсь с тобой. Я аккуратно снял шарики, всё чисто.

Снаружи сладкое лакомство покрывал тонкий, прозрачный, хрустящий слой карамели, от которого сразу веяло свежей сладостью, а внутри прятался кислый плод боярышника.

Су И не мог позволить себе съесть их так же быстро, как Чжун Мин. Он бережно держал полшарика во рту, ждал, пока растает сахарная оболочка, и только тогда принимался за боярышник. И именно в этом контрасте сладости и кислоты ягода становилась особенно терпкой, но, странное дело, он не чувствовал, что она слишком кислая или неприятная.

Чжун Мин исподтишка поглядывал на него, и каждый раз, замечая, как у гера раздувается одна щека, находил это ужасно забавным и милым.

Съев два шарика, Су И всё же отдал последний обратно Чжун Мину. Сладость перекочёвывала из рук в руки, словно мячик для метания в игре, пока Чжун Мин, устав от его вежливости, не сдался и, чтобы не спорить, принял угощение и тут же съел на его глазах.

Затем, чтобы не попадаться на глаза знакомым, они разошлись на полпути и с небольшой

разницей по времени добрались до пристани, каждый поднялся на паром и отправился в обратный путь.

Когда Чжун Мин шёл туда, он нёс с собой лобстеров и морских ежей, а когда вернулся, в руках у него были тангулу и банка креветочной пасты.

*Иглобрюх

<http://bllate.org/book/13583/1205002>